

П. ПАВЛЕНКО, Б. ИЗАКОВ

НАРОДНЫЕ МСТИТЕЛИ

Издательство „Правда“
Москва — 1942

НАРОДНЫЕ МСТИТЕЛИ

Партизаны северозапада

«...нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога верхов, складов, обочин. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия».

И. Сталин

ЧЕЛОВЕК УХОДИТ В ЛЕС

Ненастным осенним днем между деревьями пробирается человек. Он идет осторожной поступью охотника, выслеживающего дичь. Промокшая одежда прилипла к телу и стесняет движения. Но человек безостановочно движется вперед, все дальше углубляясь в лесную чащу. На какую охоту уходит он в лес в этот неприветливый день?

Человек уходит на охоту за опасным и свирепым зверем — за фашистским зверем, терзающим нашу родную землю.

Там, в лесу, он встретит таких же, как он, беспощадных мстителей за пролитые слезы и пролитую кровь. Они стекаются по лесным тропинкам, не нанесенным ни на одну карту, напрямик через болота, которые считаются непроходимыми, по многоводным рекам, на лодках и челноках.

Все шире разгорается партизанская война в захваченных германскими фашистами районах советского северозапада. Вероломное вторжение фашистских орд на советские земли всколыхнуло глубокие слои крестьянства, рабочих, интеллигенция.

Партизанские группы стали возникать стихийно. Опыт белорусских и украинских партизан, уже прогремевших на весь мир, был перед глазами. Характер же местности еще более, чем в Белоруссии и на Украине, благоприятствует развитию партизанского движения. Глухие леса, множество озер и рек, болота, редкие дороги затрудняют на северозападе действия больших механизированных армий, а партизану создают чрезвычайно выгодные условия.

В леса уходят городские рабочие и служащие, колхозники, учащаяся молодежь, районная интеллигенция. Работники связи берут с собой радиоаппаратуру, пожарники создают конные группы,

охотники со своими собаками превращаются в разведчиков.

Сойдясь вместе и образовав отряд, они дают друг другу клятву сражаться против врагов родины до последнего дыхания.

Вот текст присяги, принятой в одном из партизанских отрядов:

«Я, гражданин Великого Советского Союза, верный сын героического русского народа, клянусь, что не выпущу из рук оружия, пока последний фашистский гад на нашей земле не будет уничтожен. Я обязуюсь беспрекословно выполнять приказы всех своих командиров и начальников, строго соблюдать военную дисциплину.

За сожженные города и села, за смерть женщин и детей наших, за пытки, насилия и издевательства над моим народом я клянусь мстить врагу жестоко, беспощадно и неустанно.

Кровь за кровь и смерть за смерть!

Я клянусь всеми средствами помогать Красной Армии уничтожать бешеных гитлеровских псов, не щадя своей крови и своей жизни.

Я клянусь, что скорее умру в жестоком бою с врагом, чем отдам себя, свою семью и весь советский народ в рабство кровавому фашизму.

Если же по своей слабости, трусости или по злой воле я нарушу эту свою присягу и предаю интересы народа, пусть умру я позорной смертью от руки своих товарищей».

И партизаны свято соблюдают принятую присягу.

Методы партизанской борьбы наводят страх на немцев. Все их усилия не могут парализовать партизанское движение. Они бессильны против него. Недаром они уцепились теперь за финнов, опытных лесовиков, и привезли в район озера Ильменя около двух тысяч финских головорезов.

Но финны не помогут немецким оккупантам.

Кто такой партизан? Это — человек предпочтительно местный, знающий все ходы и выходы, имеющий прочные связи с населением, отлично разбирающийся в окружающей обстановке.

Чтобы хорошо владеть оружием партизанской борьбы, мало знать лес: надо, чтобы этот лес был родным. Тогда каждый кустик ночевать пустит.

Партизан — это пламенный патриот, защищающий от врага родную землю, родное село. Он нападает на захватчиков, на разбойников, потому что защищается. Он нападает, потому что мстит за оскверненную Родину.

А что может сделать в наших лесах финн?

Всем он чужой здесь. Нет у него тут ни родного человека, ни родного дома. Защищать ему нечего. Финн в наших лесах — просто-напросто диверсант, профессиональный лесной душегуб.

Лесная сторона, раскинувшаяся от Ильменя до Чудского озера, — исконная русская земля. Эта земля не приемлет чужеземных порабощителей.

Когда го русские люди дали здесь сокрушительный отпор немецким псам рыцарям. Память об Александре Невском, о героях Ледового побоища никогда не угасала в народных массах.

Партизаны — армия, которая подчас утром пашет землю, а ночью сражается. В случае нужды они растворяются в народе, а затем снова собираются. Это армия, которую нельзя ни рассеять, ни уничтожить, армия неуловимая и подвижная, действующая в гуще неприятеля, рядом с самыми жизненными центрами его военного организма.

Это армия, беспощадно мстящая немецким захватчикам за поруганную родную землю, армия народных мстителей.

ЗА ЧТО ОНИ МСТЯТ

Над рекой Ловатью стоит старинный живописный городок Холм. По самому берегу проходит бульвар, излюбленное место горожан. Еще недавно здесь звучали бойкий говор, веселый смех.

Почему же сейчас горожане тщательно обходят это место? Почему вымер холмский бульвар?

В самом центре бульвара немецкие фашисты воздвигли виселицу. С ее перекладины свешиваются восемь петель. Петли редко пустуют. Воды Ловати слышат предсмертный хрип замученных русских людей...

Тень фашистских виселиц легла на наш северозапад.

Вот вступает в деревню немецкий отряд. Солдаты и офицеры в зеленых мундирах рыщут по улицам, стучат прикладами в двери:

— Выходи, рус!

Там, где хозяева поворачиваются недостаточно быстро, — летят стекла.

Немцы требуют хлеба и крови:

— Выдайте коммунистов, комсомольцев, совет-

ский и колхозный актив! Несите хлеб, мясо, масло, яйца, гусей!

Люди угрюмо молчат. Тогда начинаются пытки, истязания, расстрелы. Над избами взвиваются языки пламени.

В колхозе «Вторая пятилетка» Плюсковского района немцы учинили массовую экзекуцию населения. Собрав население, они потребовали от него сведений о партизанах. В деревне не нашлось ни одного предателя. Офицер отдал приказ. Солдаты схватили безоружных женщин и стариков и погнали их сквозь строй, избивая палками. Под ударами палачей летели клочья мяса, обрывки одежды.

Двадцать четыре колхозника были схвачены немцами в деревне Малютине того же, Плюсковского, района. Фашистские заплочных дел мастера превратили колхозный сарай в застенок. Но и под пытками двадцать четыре колхозника отказались выдать коммунистов и членов сельсовета.

— Держись, товарищи! — подбадривали они друг друга.

Шестеро, отобранных наугад, были расстреляны.

В селе Глубоком немцы заподозрили четырех колхозников в том, что они скрывали раненых красноармейцев. Все четверо были расстреляны.

Это повторяется в каждой деревне, куда ступает нога немецкого фашиста. Приговоренных выводят за околицу, заставляют рыть самим се-

бе могилы. Казнь совершается на глазах матерей, жен, детей.

В городе Опочке был найден на улице труп немецкого солдата. Никто не знал, при каких обстоятельствах он погиб. Ходили слухи, что его заколол в пьяной драке немецкий ефрейтор. Дело поступило на рассмотрение немецкого коменданта. Приговор был короткий: половина населения улицы, где был найден убитый немец, подлежала уничтожению.

Пьяные немецкие солдаты вытаскивали людей из домов. Они открыли страшный счет.

Первого ждала смерть, второму дарили жизнь, словно бросали подачку. Обезумевшие от горя матери умоляли немецких офицеров дать им умереть вместо детей. Фашисты приканчивали мать заодно с ребенком.

В Локвинском районе, где взорванный мост преграждал дорогу немецкой автоколонне, виновников определяли по... глазам. Выстроив жителей близлежащей деревни, офицер прошелся перед строем перепуганных людей. Каждый, кто отводил или опускал глаза, обрекался на смерть. Четверо были расстреляны, пятого повесили на стропилах взорванного моста.

Карательный отряд «эсэсовцев» в Пустошинском районе выявляя своих жертв по... волосам. Делалось это очень просто: каждого встречного мужчину заставляли снимать шапку. Если волосы были острижены наголо, приговор был коротким:

— Переодетый красноармеец! Смерть ему!
Несчастливого хватали, выкалывали ему глаза,
предавали мучительной смерти.

Если волосы были длинные, но аккуратно подстриженные, приговор гласил:

— Это коммунист! Смерть!

И снова следовала дикая расправа.

Перед ужасами немецко-фашистской оккупации бледнеют самые страшные злодеяния, какие знавала история.

В деревне Лоза немецкие солдаты пристали к двенадцатилетней Петровой. Они обратились к ней по-немецки, требуя, чтобы им указали место, где крестьяне скрывали скот. Но девочка не понимала по-немецки. Тогда пьяные влодеи набросились на ребенка, поволокли в огород и изнасиловали. Истерзанная, она плакала, захлебываясь слезами. Изверги потешались, глядя на жертву. Неожиданно один из них вскинул винтовку и выстрелил. Детское тельце забилося в предсмертных судорогах. Фашист победоносно вагоготал.

В деревне Морине пьяный немецкий солдат ворвался в дом Николая Пивоварова. Отстранив хозяина, он схватил за руку его жену и потащил ее к двери. Пивоваров загородил собою жену; грянул выстрел — и он упал с раздробленным черепом. Жена с криком бросилась к трупу мужа, но бандит подхватил ее и понес в сарай, скликая своих собутыльников. Изнасиловав Пивоваро-

ву, негодяи отвели ее в свой лагерь, откуда она вернулась лишь через два дня.

Глухой ночью немецкий пикет ворвался в общежитие медицинских работников в деревне Новом Панкратове. Дновского района. Пикетчики занялись проверкой документов, попутно отбирая у сонных людей деньги и ценные вещи. Одному из грабителей приглянулась 18-летняя акушерка Родионова. Под предлогом проверки личности он предложил ей следовать за ним в комендатуру. В больничном парке немец изнасиловал девушку. Она лишилась рассудка.

Все эти зверские преступления сопровождаются повальными грабежами. Оккупированные города и деревни обречены немцами на разорение.

Гитлеровцы забирают хлеб, угоняют скот, разворовывают носильные вещи. Немецкие офицеры и солдаты не гнушаются присваивать и домашний скарб населения.

В германских войсках действует приказ верховного фашистского командования, изданный еще накануне нападения на Советскую страну. Приведем этот приказ:

«Войсковой интендант верховного командования генштаба

Номер 109 4/41. Секретно. От 16 8 41 г.

О снабжении войск

Разослать до рот.

Общее напряженное продовольственное положение Германии больше не позволяет

пополнять состав обозов и организовать снабжение за ее счет. Об этом должен помнить каждый командир и начальник во время операции в стране противника.

Для сохранения запасов в Германии войска должны жить за счет местного сельского хозяйства.

«Жить за счет местного сельского хозяйства» означает на русском языке: грабить крестьян. По приказу гитлеровской ставки оккупанты обирают крестьян до нитки.

В селах Тюбаеве, Борисове, Дубках, Тухомичи и десятках других немцы реквизируют у крестьян хлеб и скот, отняли у них одежду, мануфактуру и даже топоры, лопаты, косы. Там, где побывали фашистские бандиты, население остается нищим и голым.

Вот, к примеру, список вещей, отобраанных немецкими грабителями у колхозницы Быстровой в деревне Боброве: 3 овцы, свинья, 5 нательных рубах, женское платье, детские сандалии и даже... настенные часы.

Немецкая грабьярмия подняла на новую высоту технику воровского ремесла. Конечно, прусский лейтенант не применяет в оккупированных районах таких простейших воровских инструментов, как, например, «фомка». Он знает иные способы, чтобы проникнуть в квартиру своей жертвы. Зато гитлеровцы пополняют список воровского «инструмента» новыми изобретениями

Прослышав о том, что при приближении германской армии население закапывает свое добро в землю, фашисты изобрели особое орудие, похожее на вилы. Этим орудием немецкий мародер тычет в землю, стараясь определить местонахождение ямы с крестьянским добром. «Щупы»—так прозвало население Ледовичского района новое изобретение гитлеровцев.

Можно полагать, что «щупы» будут скоро официально приняты на вооружение германской армии, а на заводах Крупна будет поставлено их массовое производство.

Германское командование стремится возглавить и регламентировать грабеж. Чего стоит, например, следующий приказ 16-й германской армии, действовавшей к югу от озера Ильменя:

«Главное командование 16-й армии 9. 8. 41 г.
По 4-му отделу Секретно.

Приложение

к распоряжению по тылу № 45 от 9. 8. 41 г.
2. Зимняя одежда

Условия русского климата требуют своевременных и планомерных мероприятий по обеспечению оккупационных войск зимним обмундированием.

Командование вооруженных сил отдало распоряжение:

1. Любыми средствами должна быть захвачена меховая одежда всех видов невы-

деланного меха, меховые пальто, жакеты, жилетки, шапки и сапоги.

2. Также должна быть собрана и сохранена и другая пригодная для зимних условий одежда. Речь идет о зимних пальто (на вате), куртках и штанах, перчатках и рукавицах (вязаных и матерчатых), о наушниках и шапках, напульсниках и наколенниках, о фуфайках всех видов и цветов, о кушачках, шароварах, теплом зимнем белье и носках, валенках и субонных варежках, галошах и зимних маскировочных накидках.

Корпуса и дивизии должны точно соблюдать данное распоряжение по тылу».

Можете себе вообразить, как будет выглядеть германская армия, наряженная в эти ворованные вещи! В вашем представлении не замедлит возникнуть знаменитая картина Берещагина, изображающая группу солдат отступающей наполеоновской армии: сквозь зимнюю стужу и вьюгу движутся жалкие подобия людей, закутанные в женские кофты, в сапоги, во всевозможные лохмотья...

Но пока что фашистские мародеры еще остаются хозяевами над жизнью и смертью миллионов людей.

Гитлеровцы действуют как насилием, так и обманом.

В деревню Чижово, Демьяновского района, немцы завезли сахар. Они предложили его населе-

нию в обмен на масло и яйца. Нашлись простаки, которые поверили в немецкую честность. Фашисты сперва произвели обмен. А выудив у населения все продукты, они отобрали обратно выданный в обмен сахар.

Случается, что немецкие жулики «расплачиваются» за захваченное добро своими марками. На деле такая «расплата» является сплошным надувательством. Немцы устанавливают цены по своему произволу: кое-где они дают за свинью 20 марок, в других местах — 2 марки. Между тем до войны немецкая марка стоила лишь 47 копеек, а с тех пор ее стоимость отнюдь не возросла. Стало быть, немцы платят за свинью от 94 копеек до 9 рублей 47 копеек, по курсу довоенного времени.

Так фашистские воры «расплачиваются» своими марками за крестьянское добро, исподтишка посмеиваясь над обманутыми людьми.

По ночам в оккупированных районах полыхают зловещие зарева: это горят непокорные города и села. Новгород, Старая Русса, Порхов, Соколово, Байново, Осинушки, Шишково... — велик скорбный список городов и деревень, сожженных немецкими варварами на советском северозападе.

Сами немецкие офицеры и солдаты не скрывают характера своей «деятельности» в оккупированных районах северозапада.

В письме, обнаруженном в сумке убитого немецкого солдата Горта, последний писал своей

жене: «Вчера мы достали в одном из крестьянских дворов сало, масло, яйца».

Солдат Сандлер писал: «Люди разошлись за маслом, салом, яйцами».

Солдат Мюшер: «Я взял себе из добычи пару рабочих сапог и одну ватную куртку».

А солдат Кноблов совсем расхвастался: «Сегодня я снова, так, между прочим, заполучил себе курочку. Кроме того наш взвод заколол свинью, которую мы сегодня вечером сообща проглотили. Так что, как вы видите, нам совсем не плохо».

Не менее характерны показания военнопленных. Пленный немецкий солдат Эрвин Люберс показал на допросе:

— Германская армия с каждым днем испытывает все больше трудностей со снабжением передовых частей продовольствием. Поэтому части нередко переходят на так называемое местное снабжение, иначе говоря, грабят местное население. В 50 километрах от Старой Руссы наш полк во время марша очистил крестьянские дворы от всего съедобного — свинины, птицы, масла, молока, хлеба и т. п. Кроме того у крестьян забирают лошадей.

Военнопленный солдат Буби сказал:

— Как только германские части заходят в русский город или русское село, начинается повальный грабеж. Забирают скот, одежду, белье, оставляя население голодным и раздетым. Все

это делается с поощрения офицеров... Все, что было взято из Германии, давно уже съедено, и теперь солдат кормят тем, что отбирают у ваших колхозников. Я лично не видел, чтобы солдаты насиловали и убивали женщин и девушек, но от солдат слышал, что так очень часто бывает.

В обозах немецкой армии движутся грабители покрупнее. Это представители капиталистических фирм, помещичьи сынки, фашистские чиновники. Гитлер обещал им в нашей стране заводы, фабрики, земли, доходные должности. Эта свора не хочет довольствоваться боченком масла, корзинкой яиц, гусями и поросятами. Она рассчитывает получить в нашей стране богатство и власть.

Хозяева сегодняшней Германии собираются посадить нам на шею капиталиста и помещика, притом немецких. Они думают онемечить и поработить советский народ.

Этому не бывать никогда!

Безгранично негодование советского народа против фашистских извергов, безмерна его ненависть к ним. За оружие берется верный помощник, родной брат бойца Красной Армии, — советский партизан.

ПАРТИЗАНСКИЕ НОЧИ

Темны осенние ночи на северозападе. «Партизанские ночи» — называет их теперь местное население. Хмурое, подернутое тучами небо не пропускает ни лунного луча, ни даже слабого отсвета далекой звезды. Моросит дождь; вода, стекающая с древесной листвы, скрадывает шорохи. В такую ночь придорожный куст кажется вам человеком, а очертания человека сливаются с окружающей мглой.

С шести часов вечера и до пяти часов утра — целых одиннадцать часов — все окутано чернильной пеленой. Восемь часов — нормальный рабочий день советского человека в мирное время. Одиннадцать часов — «рабочая» ночь советского партизана в дни войны.

Партизаны действуют преимущественно ночью или в предрассветных сумерках. За короткое время они выработали особую тактику борьбы. Дерзость и решительность — основа этой тактики. Нападать на врага внезапно — таков закон партизана.

Сделав свое дело, партизаны исчезают столь

же внезапно, как и появились. Когда к месту полета прибывают немецкие подкрепления, партизаны обычно уже далеко. В случае необходимости их отряд рассыпается, собираясь затем в условном пункте. Прибывшие немецкие карательные части обычно обстреливают пустой лес.

Партизанский отряд подвижен, неуловим. На марше он искусно замечает следы, вводя в заблуждение вражеских лазутчиков. Отряд старается как можно чаще менять место своего лагеря. Редко он проводит на одной стоянке больше двух — трех дней.

Один из излюбленных партизанами приемов борьбы — устройство придорожных засад. Они охотно выбирают для этого лесные опушки возле шоссе и проселочных дорог. На дорогах вырастают вавалы из срубленных деревьев, поваленных автомашин; нередко путь преграждает разобранный мост. Горе немецкой автоколонне, попавшей в такую засаду!

Партизанским нападениям подвергаются немецкие склады с горючим и боеприпасами, отдельно расположенные части и штабы. На железных дорогах сходят с рельсов поезда с солдатами и оружием.

Собственные запасы оружия и патронов партизаны пополняют за счет немецких складов и транспортов.

В трудных случаях приходит на выручку партизанская сметка. Немецкие танки, бронемашины

уничтожаются обыкновенными бутылками с горючим; к бутылке привязывают пучок тряпок, намоченных в бензине, пучок поджигают при броске. В умелых руках такой несложный метательный снаряд становится опасным оружием.

Партизаны подают сигналы птичьим свистом. В ночное время они переключаются по-совиному.

В одном из отрядов темной ночью на походе отбилась несколько партизан. На следующую ночь командир отряда приказал повесить светящиеся компасы на конские хвосты. Так он ухитрился сохранять зрительную связь в отряде даже в полной темноте.

29 августа в Лужском районе, Ленинградской области, отряд землеустроителя тов. У организовал засаду на шоссе на дороге близ села Б. Торошковичей. К месту засады подошла колонна из тридцати немецких мотоциклистов. В этот момент партизаны выпустили на поляну кур и поросят. Бросив мотоциклы, немецкие солдаты кинулись на добычу. Все тридцать любителей легкой наживы были уничтожены.

Партизанская выдумка причинит еще не мало неприятностей немецким фашистам.

Лихие налеты сеют панику в немецких частях. Партизаны достигают больших результатов малыми силами.

Показателен налет на город Порхов отряда тракториста-срденоносца тов. М. Небольшая группа партизан подожгла в ночное время располо-

женные за городом склады сена и открыла стрельбу. Этой уловкой удалось выманить из города немецкий гарнизон. Тем временем главные силы отряда вступили в Порхов с другого конца и напали на склады с горючим и боеприпасами. Часовые были перебиты, а склады сожжены.

Партизаны поддерживают связь с частями Красной Армии, действующими на ближайшем участке фронта, служат им разведчиками, проводниками, связными. Нередко партизанский отряд подбирает раненых красноармейцев, очутившихся во вражеском тылу.

Партизанское движение насчитывает в своих рядах тысячи храбрых женщин—верных дочерей советской родины. В лесах северо-запада далеко разнеслась молва о стойкости и мужестве одной из них—Валентины Петровой.

Командир отряда послал Валентину Петрову в разведку. Возле деревни Проснянки ее задержал немецкий отряд. При обыске в кармане разведчицы нашли два капсуля от гранат.

Немцы отвели Петрову в деревню.

— Ты партизанка, — сказал через переводчика офицер.— Укажи место, где скрывается твой отряд.

Храбрая девушка отказалась выдать товарищей.

На виду у всей деревни немцы воздвигли ви-

селищу. Палачи действовали медленно, рассчитывая поколебать мужество партизанки.

— Говори! Спасешь себе жизнь,—искушали они ее.

Валентина Петрова молчала. Она молчала и тогда, когда петля легла ей на шею.

Так умерла эта героическая партизанка.

Наряду с крупными партизанскими отрядами, батальонами, полками, бригадами действуют небольшие партизанские группы и даже партизаны-одиночки. Состав и вооружение партизанской части, силы противника, местная обстановка—все это определяет характер деятельности партизан.

Командующий 123-й германской пехотной дивизией генерал-майор Раух издал специальный приказ о борьбе с партизанским движением. Этот приказ, помеченный 16 августа 1941 года, был захвачен нашими войсками при разгроме одного из немецких полков на северозападном направлении. В своем приказе немецкий генерал перечисляет следующие известные ему типы партизанского движения:

«1. Оседлые партизаны — это преимущественно молодые коммунисты, которые днем ведут свою обычную работу в селах, а ночью выполняют особые задания партизан.

2. Партизанские батальоны, состоящие из 100—120 человек, в большинстве одеты в штатское платье, без знаков различия. Они ведут борьбу с немецкими войсками, имеют

постоянную связь с населением деревень, что дает им возможность легче подготавливать свои нападения.

3. Партизанские группы гражданских работников и осоавиахимовцев. Состоят из 70—100 человек. Они носят синие блузы и фуражки военного образца. Руководит этими группами или бывшие начальники советских предприятий или просто коммунисты».

Не будем спорить с немецким генералом относительно разных форм партизанского движения. Его приказ примечателен с другой точки зрения: злобный враг вынужден признать наличие постоянной, непрерывной связи между партизанами и местным населением.

Тесная связь с населением — основа партизанского движения. Партизаны защищают население от обидчиков. Население снабжает партизан продовольствием, передает ему сведения о противнике, помогает, чем может.

Солдат 3-й немецкой дивизии Гаушильд, взятый в плен партизанами, рассказал на допросе:

— Мы заехали в деревню Д., где был колхоз. У местных жителей мы стали спрашивать, где можно достать скот. К нам подошел бородастый крестьянин. Он объяснил, что весь скот находится в лесу, и изъявил согласие проводить нас в лес. Только мы подъехали к лесу, как на нас напали шесть человек. Они бросили гранату в

машину. Старший ефрейтор был убит, унтер-офицер ранен в руку, одного солдата ранило в спину. Меня и двух других раненых взяли в плен.

Неизвестный крестьянин, бесстрашно поведший Гаушильда и его спутников под партизанские пули, — достойный потомок Ивана Сусанина, героя русского народа.

Народ идет на все, чтобы помочь своим мстителям.

Темны осенние ночи. Но во тьме советскому человеку светит путеводной звездой его любовь к родине.

ПОЛК ВАЛЕНТИНА КРИВЕНКО

В одну из безлунных ночей четверо людей в зеленых немецких шинелях вошли в деревню Вороново, Белебелковского района. Они постучались в избу Юрия Цицина. Об этом Цицине по деревне ползли темные слухи. Бывший кулак и отъявленный бандит, он отбывал тюремное заключение в Старой Руссе, когда город был занят немцами. Оккупанты выпустили Цицина из тюрьмы, чтобы освободить в ней место для честного советского человека. Вернувшись в свое село, Цицин много бродил по окрестным лесам, словно выслеживая какую-то дичь. Односельчане не любили Цицина, сторонились его.

К этому человеку и постучались четверо пришельцев. Один из них произнес несколько слов по-немецки.

— Господин офицер приказывает впустить нас в дом,—перевел второй.

Низко кланяясь, Цицин отворил дверь ночным гостям.

— Назовите местных коммунистов,—предложил офицер через переводчика.

— Простите, господин офицер,—ответил Цицин.—Я лишь недавно вернулся в деревню и не успел заготовить списочек. Зато я дознался, где скрываются партизаны, и могу указать вам дорогу.

— Веди!

Светало. Лебезя перед немцами, Цицин вел их лесной тропой.

— По этой дорожке, за мосточком, влево. Там партизанский лагерь,—сказал он и хотел повернуть назад.

— Веди дальше!—гласил сухой приказ.

Предатель нехотя направился к самому расположению партизанского лагеря. Четверо следовали по пятам.

— Стой! Кто идет?—послышался окрик часового.

— Свои! — ответили «немцы».

Они сбросили военные шинели и остались в пиджаках. Пойманный с поличным, предатель даже не пытался отпираться. Партизанская пуля прервала его презренную жизнь.

Об этом случае рассказал Валентин Иванович Кривенко, командир партизанского полка, разоблачившего и казнившего Цицина.

Имя Кривенко, смелого организатора партизанского движения, приобрело широкую известность в лесных и болотистых районах к югу от озера Ильменя.

За два месяца партизанский полк Кривенко

уничтожил сорок две автомашины противника, из них девятнадцать—с горючим, восемь—с боеприпасами, пятнадцать—с продовольствием и другим грузом и четыре—легковых. В общей сложности полк совершил 26 налетов на автоколонны противника. Партизаны отряда Кривенко уничтожили, далее, четырнадцать мотоциклов и двадцать четыре велосипеда, взорвали четырнадцать мостов, срезали сотни метров полевых проводов.

В ходе этих операций партизаны убили двести сорок четыре немецких солдата и офицера.

— Мы — люди щепетильные, — говорит тов. Кривенко. — Мы ведем подсчет только тем убитым врагам, гибель которых точно установлена. Если же считать тех убитых, тела которых подбирают их спутники, то число уничтоженных нами врагов, пожалуй, перевалит за пятьсот. А вместе с ранеными мы, вероятно, вывели из строя больше тысячи неприятелей.

Партизанский полк Кривенко славится железной дисциплиной. Она была достигнута командирской требовательностью и полнокровной политической работой.

В полку имеется артистический ансамбль, которым руководит Иван Васильевич Голубев. До войны тов. Голубев был артистом ленинградского Театра ленинского комсомола. В последний раз Голубев выступал на сцене в роли фельдмаршала Кутузова. Теперь 54-летний артист-патриот защищает с оружием в руках свою родину.

В окрестных деревнях Кривенко и его партизаны пользуются высоким авторитетом и всемерной поддержкой. Колхозники наладили регулярное снабжение полка продовольствием. Среди колхозного актива партизаны имеют таких верных помощников, как например председателя колхоза тов. М., по прозвищу «Тимофеич». Тов. М. показывает пример того, как должен вести себя колхозный руководитель во вражеском тылу. Когда в деревне нет немцев, он крепко держит в руках свой колхоз и руководит колхозниками, а при вступлении в деревню немецких солдат скидывает винтовку на плечо и уходит в лес, к партизанам.

В своем активе полк Валентина Кривенко имеет такие значительные боевые операции, как например захват деревни Паревичей, нападении взвода Мухина на крупную немецкую автоколонну, бой за деревню Горوشку, переправу через озеро Стерж.

Вот как описывает славный партизанский командир одну из этих операций—захват деревни Паревичей:

«Однажды разведка донесла, что в деревне П., километрах в семи от леса, где находился наш партизанский отряд, расположился на ночевку карательный немецкий отряд в триста двадцать человек с четырьмя минометами и большим количеством пулеметов. Подсчитав силы и прикинув все возможности, командир отряда решил

атаковать немцев. Предварительно имелось в виду преградить им все пути отхода. Дожливый, пасмурный день обещал, что ночь будет темная, настоящая партизанская.

По расчетам командира отряда, немцы могли отойти вероятнее всего на восток—на деревню Ш. Здесь он расположил засаду в двадцать пять человек с одним пулеметом под командой партизана А. Кроме того через посыльного обратился к соседнему партизанскому отряду с просьбой оказать поддержку этой засаде. На все остальные дороги, подходящие к деревне, также были высланы группы партизан различной численности.

Переправу через реку (западнее деревни) должна была удерживать группа в 60 человек, возглавляемая партизаном В. Ее задача — отвлекать на себя внимание врага. Дело в том, что между рекой и деревней находилось болото. Поэтому немцам было невыгодно двигаться к реке, но ожидать нападения они могли именно с этой стороны. Главный удар было решено нанести с южной стороны группой партизан в составе восьмидесяти человек.

Налет намечалось провести так, чтобы сразу же поднять панику среди немцев. Для этого выделили пятерку партизан во главе с тов. Г. выделили им бутылки с зажигательной жидкостью и поставили задачу—пробраться в деревню, занятую немцами, и поджечь там несколько домов.

Жителей в деревне не было, следовательно, повредить им отряд не мог. Начало действий назначили на час ночи. Таким образом, все группы располагали достаточным временем для сосредоточения в указанных им местах.

В одиннадцать часов ночи стало известно, что соседний партизанский отряд оказать поддержку не сможет. Удар немцев, прорывающихся из окружения, должна будет принять на себя группа, выделенная в засаду. Перегруппировывать силы было уже поздно.

Пятерка партизан поползла к деревне. Через два часа деревня запылала. Оттуда послышались крики немцев, беспорядочная стрельба. Как потом оказалось, пятерке удалось заколоть немецкого дежурного пулеметчика и беспрепятственно пробраться в деревню. Остальные немецкие часовые дремали под навесами крыш. Отважные партизаны стали поджигать избу, но мешал дождь. Пришлось в темноте искать сухую солому и подкладывать под стены. Все это было проделано быстро и без препятствий. Только уже после того, как вспыхнула первая изба, немцы подняли тревогу и открыли беспорядочную стрельбу.

В час ночи все группы, кроме той, которая была в засаде, открыли по деревне сильный огонь. Немцы ответили стрельбой из минометов. Особенно энергично обрушились они на группу у переправы через реку, очевидно, ожидая отсюда нападения. В зареве пожара партизаны

отлично видели немцев, которые после двухчасового боя начали отходить к деревне Ш., как и предполагалось.

Командира отряда тревожила судьба группы партизана Г. находившейся в деревне П. Но оказалось, что она отлично укрылась—немцы и догадаться не могли, что у них под носом партизаны.

Прошло еще минут двадцать — тридцать, и группа партизан, находившаяся в засаде, обрушилась своим огнем на отходившего врага. Будь эта группа посильнее раза в два, тогда немногим немцам удалось бы дожить до рассвета.

Заняв деревню П., партизаны насчитали восемьдесят шесть убитых немцев, в том числе несколько унтер-офицеров, подобрали десять тысяч патронов, девяносто четыре винтовки, четыре автомата, одиннадцать пистолетов. Партизаны, находившиеся в засаде, заметили, что среди отходивших немцев было очень много раненых. Потери партизан—один убитый и двое раненых.

Подобрав трофеи, партизанский отряд ушел в лес и немедленно переменял место своего расположения. Спустя два—три дня после этого налета немцы бросили к деревне П. новый отряд, в 500 человек с танкетками, бронемашинами и противотанковыми орудиями. Отряд окружил лес с намерением «прочесать» его, но, обстреляв опушки, почему-то отказался от своего намерения и ушел.

ОТРЯД ПАРАМОНОВА

Сорок пять рабочих и служащих из города Холма собрались в лесу вокруг самодельного знамени. На одной стороне полотнища были изображены серп и молот, на другой стороне можно было прочесть слова: «1-й партизанский отряд Холмского района». Глядя на свое знамя, люди повторяли вслед за комиссаром слова партизанской присяги.

Так начал свою историю отряд Парамонова.

За месяц этот героический отряд уничтожил тридцать девять грузовых машин и три легковые машины, взорвал два моста, разобрал настил, проложенный немцами через заболоченное место, свалил шесть телеграфных столбов, срезал до шестисот метров проводов, совершил налет на штабную группу противника. Партизаны Парамонова перебили сто шестнадцать немецких солдат и восемь офицеров.

В отряде Парамонова имеются такие храбрые партизаны, как Иван Лаптев, Петр и Алексей Ванины, Александр Васильев, Анна Лазарева, Петр Алексеев. В борьбе с немецкими фаши-

стами они не знают отдыха. Только вернувшись из одной операции, они просятся в другую.

«Чего даром хлеб есть!»—это любимая поговорка комсомольца Петра Ванина.

Петр Ванин лежал в засаде возле дороги, следя за приближавшейся повозкой с шестью немецкими солдатами и сжимая ручной пулемет. По обочине дороги ехал верхом немецкий офицер; деревья скрывали его от Петра, и тот заметил верхового лишь тогда, когда лошадь едва не наступила на него. Ванин вскочил на ноги. Офицер выстрелил из револьвера четыре раза, но промахнулся. Молодой партизан сразил его гранатой, после чего расстрелял из ручного пулемета троих солдат, обратив остальных в бегство.

Как-то раз, собравшись в кружок, партизаны парамоновского отряда сели сочинять письмо немецким оккупантам. Их письмо во многом напоминает грамоту, которую некогда отправили турецкому султану вольные запорожские казаки,—во всяком случае, оно не уступает ей по части крепких выражений.

Послушайте вы, нем орды фашистской,
Вы, изверги, убийцы, палачи,
Вы, кровожадные душители свободы,
Вы, выродки фашистской саранчи...

Так начинается это письмо. Как видите, оно отличается от письма запорожцев тем, что составлено в стихах. Этим стихам никак нельзя отказать в одном: они написаны от души.

Мы будем бить вас на дорогах,
Мы будем бить вас по куотам,
Мы будем бить вас на болотах,
На покосах, по лесам...
Если не гудя красного бойца тебя слышит,
Так меткая граната партизана
За слезы наших матерей, за все,
За все тебе, проклятый враг, отместит!

Партизанское письмо немецким фашистам было переписано от руки печатными буквами в пятидесяти экземплярах. Ночью разведчики расклеили его на улицах Холма и соседних сел. Быть может, несколько хромает стихотворная форма письма, но читатель наверняка простит погрешности в размере и в рифмах автору, когда узнает, что им является в основном сам командир отряда — тов. Парамонов.

Комиссар парамоновского отряда тов. Петров, Александр Иванович, был подлинным отцом партизан. Бывший участник гражданской войны, он работал до войны директором машинно-тракторной станции. Комиссар вдохновлял бойцов на подвиги, ободрял их в тяжелые моменты. Он не разлучался с книгой, на обложке которой было оттиснено славное имя: «Чапаев»; в свободное время комиссар читал бойцам отрывки из знаменитого романа Фурманова. Иногда Петров запевал вполголоса любимую чапаевскую песню: «Ревела буря, дождь шумел...» Партизанский комиссар Петров неизменно участвовал во всех важнейших операциях отряда.

Выданный фашистскими лазутчиками, отряд
Парамонова был окружен немецкими войсками.
Александр Петров погиб, как герой, прикрывая
с четырьмя партизанами отход товарищей.

Отряд вырвался из вражеского кольца.

ПЯТЬДЕСЯТ ДВА ДНЯ

Их было одиннадцать, вернулось семеро, но сейчас перед нами всего пять человек.

Только что пришли. Увлеченно, прерывая друг друга, рассказывают, что делали в немецких тылах, смеются, зевают и безостановочно курят. Спали добрые сутки, но всласть еще не выспались. И табаку не выдали недели три. И вообще вчерашний и сегодняшний день им в диковинку.

— Ходим, понимаете, и ничего не трогаем. Машины перед нами—а мы ничего. А я как провод увижу,—сама рука к нему тянется,—хохочет краснощекий симпатичный Валерий Васильевич Родионов, богатырь двадцати трех лет.

Четверка поддерживает его слова хриплым басовитым смешком.

— Надо скорей назад, чтобы не отвыкнуть!—говорит Ламанов.

Он был за «немца», поскольку знает две—три фразы и десяток слов.

Если бы представить себе эту бесстрашную пятерку, не зная их лиц, то никогда бы не изобразить Павла Дробовикова вялым и апатичным,

на вид маленьким и слабым, каков он есть на самом деле; а Ламанова — все время махающим руками на товарищей за путаницу имен и географии — он любит поправлять резко; а Николая Крымова и Алексея — людьми медленными, осторожными, тяжелыми на подъем, громко и медленно смеющимися. И только один Родионов выглядит таким, как обычно представляешь себе разведчика. Но все эти разные, друг на друга непохожие люди действовали с исключительной отвагой. И, когда рассказывают о какой-нибудь операции, не всегда могут вспомнить, кто из них что именно сделал.

— Все делалось сообща, — машет рукой Ламанов. — Спелись, что хороший хор.

Они были в разведке, забрались далеко и оказались отрезанными от своих. Решили: все равно как сражаться: что в окружении, что не в окружении, — и двинулись дальше, в немецкие тылы.

На нашем северозападе линия фронта не всегда непрерывна. Для самостоятельных действий нет более выгодной обстановки.

Решили они остаться, как были, в красноармейской форме и действовать, непрерывно двигаясь зигзагами, чтобы запутать свои следы.

Вот сидят эти простые русские люди, рядовые бойцы, пятьдесят два дня сражавшиеся вдали от своих, ничего последние одиннадцать дней не бравшие в рот, кроме травы «кислички», не курившие месяц. И я, глядя на них, не могу нади-

виться силе, отваге и неисчерпаемой предприимчивости русского человека.

Расспрашиваю их, какую тактику действий они выработали. Ламанов машет руками, перебивает:

— Одно важно—не размениваться на мелочи.

— () своем фронте надо все время думать,— добавляет Дробовиков.

— Угадывать надо не то, что там, у них, а что здесь, у нас. А приметы для этого есть,— уточняет Крымов.

На третий день своих действий они—в виде почина—взорвали немецкий грузовик, забыв, впрочем, установить, с каким грузом он шел. Днем позже напали — но уже обдуманно, расчетливо — на немецкий отряд в двадцать человек и уничтожили из него пятнадцать. Забраны были трофеи—автоматы, винтовки. Отдать их колхозникам или вооружить ими партизан?

И, недолго раздумывая, отряд занялся политической работой в деревнях, вел агитацию за вступление в ряды мстителей, требовал расправы с предателями и сам казнил попавшихся под руку. устанавливал связь с партизанами и активизировал их, если замечал вялость в их действиях.

Картины страшной жизни под немецким ярмом, рассказы о зверствах и издевательствах, которым нет конца, делали еще более взволнованными и радостными сообщения о подвигах патриотов. В одном месте это был старик-пенсционер, в дру-

гом—учительница, в третьем—партийный работник. Живут и борются, и не унывают, не падают духом, не складывают оружия эти великие русские люди.

В своих листовках, обращенных к населению захваченных районов, немцы клятвенно заверяют, что ими взят Ленинград, что горит оставленная жителями Москва, что Красная Армия отступила за Волгу.

Но там, на русской земле, прижатой немецким сапогом, там ничему не верят, кроме своей победы. Окруженные врагами, преследуемые предателями, избегаемые робкими и запуганными, они говорят о победе.

А у красноармейцев идет уже девятый день странствий и к концу его—бой с отдыхающей на дороге ротой. Их было еще одиннадцать. Назначив себе пункт сбора наутро, в случае, если бы ночью пришлось разойтись в разные стороны, они навели на немцев невероятную панику, заставили солдат разбежаться и два часа стрелять в воздух изо всех кустов.

Одиннадцатый день — иссякают запасы продовольствия. На тринадцатый — колхозный пастих, стерегущий взятое немцами на учет стадо, дарит им овцу:

— Станут спрашивать, скажу, ихние немцы взяли.

Теперь, когда они довольствовались случайно, щедротами местных колхозников, опасность быть

пойманными во много раз увеличилась: надо было часто заходить в деревни.

И группа питалась брусникой. Ее действия стали скрытнее. В течение многих дней, кроме порчи проводов и рубки телеграфных столбов, они ничем не занимались.

На двадцать второй день пристрелили троих офицеров, ехавших в малолитражке, и разбили гранатами две машины с охраной. На двадцать третий — подбили грузовик.

На двадцать пятый — совершили налет на немецкий разъезд в тридцать человек и убили пятерых, захватив оружие.

В деревне Т. решили передать трофей лучшим колхозникам. Не успели пообедать, колхозники говорят: «Скрывайтесь: на вас донесли — отряд эсэсовцев на велосипедах уже окружает деревню».

Группа, разделяясь надвое, ушла в лес.

Но найти друг друга уже не могли.

Шестеро бойцов остались без командира, карт и компаса и наугад двинулись к линии фронта.

На тридцатый — убили четырех мотоциклистов, разбили машины, роздали оружие колхозникам.

На тридцать второй — узнали, что на скотном дворе колхоза немцы устроили склад горючего и стерегут его четверо часовых. Собрали в поле колхозников, посоветовались, что предпринять, и засветло послали двоих в разведку, переодев их в гражданскую одежду.

До темноты лежали на стогах сена, запоминали местность. Напали глухой ночью. Двоих немцев удалось снять кинжалами, но двое других, запершись на складе во дворе, стали отстреливаться. Путаться с ними не было времени, но пришлось из-за их стрельбы поджечь склад гранатами с десяти шагов. Сами едва уцелели.

Тридцать шестой — пятеро немцев, два грузовика.

Сороковой — один мотоцикл. С этого дня до выхода к своим одиннадцать дней ничего не ели, кроме травы.

До сорок восьмого — «занимались связью».

Чувствовалась близость фронта. Немецких войск стало больше, движение на дорогах оживленнее, и уставшим людям трудно было рискнуть на большую, шумную операцию. Но телеграфные столбы валялись десятками. Проводов сматывали по километру в день.

Наконец, услышали орудийный грохот, шло близкое сражение.

Шел пятьдесят первый день, и, уничтожив два грузовика и один мотоцикл, они стали ползком пробираться через линию фронта.

Лес отходил в сторону, и до горизонта шла открытая равнина. Стоял день. Но они не хотели ожидать ночи и поползли.

Благополучно добрались до мелкого ельника и увидели четырех дозорных мотоциклистов.

Это были последние немцы на их пути.

Не оставлять же в живых!

Махнув рукою на опасность, пристрелили их и бегом, ползком, крадучись, через час добрались до своих и упали.

— Если пустят нас в тыл, мы теперь такие опытные, что больших дел натворим. — говорит Родионов, пощипывая усики.

И Ламанов машет руками:

— И сравнить будет нельзя! Денька два отоспимся, откуримся—и готовы!

СМЕРТЬ НИКОЛАЯ МЕНЬШАКОВА

Партизанский полк Кривенко пятьдесят дней подряд, без отдыха дрался в немецких тылах. Когда действовать всем отрядом бывало неудобно, «на охоту» выходили небольшими группами или даже поодиночке. И ни один день из пятидесяти не пропадал даром.

Однажды отправилось четверо: Николай Меньшаков, Василий Ветров, Иван Федько и Василий Мищенко, все ленинградцы. Ночью прошли от стоянки отряда километров тридцать — ничего! Устали. Хотелось спать.

— Почин сделаем, тогда отдохнем, — сказал Мищенко.

И залегли у дороги.

— Место рыбное, — посмеялся Ветров — Улов будет обязательно.

Только перебросились шопотком двумя — тремя фразами, левофланговый Федько сообщает:

— Конная разведка!

Оглядывая мелкоколесье по краям дороги, первым ехал офицер. За ним пятеро.

Граната врезалась в третьего. Всадники попадали наземь.

Трое немцев убиты были сразу, но офицер с двумя уцелевшими пытался отстреливаться. Мищенко бросил вторую гранату и сразу закончил дело.

Быстро ушли в лес, выбрали место посуше, легли.

— Имеем право теперь и поспать, — говорили, посмеиваясь.

Но не пришлось. Дневальный Меньшаков скоро разбудил группу:

— Слышев крик по-немецки! С дороги!

И тотчас же раздалась частая нервная стрельба, будто там кого-то преследовали или от кого-то отстреливались. Даже жутко стало.

— Да это ж немцы лес заклинают, чтобы он их не трогал, — сообразил Ветров.

И правда, немцы, постреляв, быстро затихли, и потом всю ночь было спокойно.

А утром, едва тронулись по проселку, вившемуся вдоль лесной опушки, сзади показался отряд велосипедистов человек в сто пятьдесят.

— Ложись! — Мищенко пополз с группой в неубранную рожь, но навстречу двигалась вторая партия велосипедистов — человек в пятьдесят, — и прятаться было поздно. Велосипедисты спешили и огнем автоматов прижали четверых партизан к земле.

Под пулями отползли те в ложбинку, успев шепнуть друг другу:

— В плен не сдаваться. Пойдем на пробой.

— Точно.

Минут десять шла борьба четверых партизан против двухсот немцев.

Первым погиб Ветров.

Старый член партии, он дрался с железным мужеством и был убит в ту самую секунду, как стрелял. Казалось, жизнь его вырвалась вместе с пулей и повалила немца. И сейчас же следом крепко ранило Меньшакова. Мищенко и Федько подхватили его под руки и ползком потащили в сторону, но уходить было некуда: немцы замкнули огневой круг и осторожно сужали его, как охотники. Что могли сделать двое, обремененные раненым товарищем, против двухсот?

Круг сужался. Огонь немцев становился прицельнее. Мищенко с Федько, оставив Меньшакова, бросились вдвоем «на пробой».

Чудеса делает иной раз храбрость: при виде двух партизан, идущих в штыки, немцы подались назад. Партизаны вернулись за Меньшаковым и понесли его на руках. Но немцы снова нажали, и вторично оставили партизаны товарища, чтобы повторить атаку.

— Не бойтесь вы за меня, уходите!—кричал Меньшаков.— Я выдержу.

И в третий раз пошли на пробой Федько и Мищенко. Силы их всякались, и в рукопашной немцы отбили у них Меньшакова.

Чудом отбившись от немцев, двое скрылись в лесу.

Ночью увидели они зарево пожара над той деревней, куда поволокли Меньшакова, и долго недоумевали: что бы оно могло означать?

— Может, мстят за нас колхозникам?

— Или, может быть, колхозники, наоборот, подожгли избу с немцами? — спрашивали они друг друга.

Утром они осторожно вышли из леса, пробрались в село и тут узнали все, что произошло за ночь.

Нет, не изба горела: горел умирающий Меньшаков.

Немцы приволокли его в деревню еще живым и — окровавленного, теряющего сознание — стали допрашивать, согнав из домов колхозников, чтобы они видели, как сию минуту русский партизан будет бесстыдно выдавать своих.

Но Меньшаков молчал.

Тогда какой-то ретивый немецкий палач стал всвырять штыком рану Меньшакова. Колхозники ахнули, послышался плач. Партизан простонал, но не ответил ни на один вопрос немца.

И тогда, ломая ему зубы и рая лицо, ножом раскрыли ему рот.

— Говори, русска свинья! Говори, сволошь! — кричали немцы, не видя средств победить эту железную волю, которая еще держалась в израненном и до конца измученном теле.

Меньшаков выплюнул кровь изо рта, но не сказал ни слова. Он приоткрыл глаза, просто оглядел издевающихся над ним палачей и, вздохнув, снова закрыл их, приготовившись вытерпеть все, что будут творить с ним.

Он был еще жив и в полном сознании. Не бесчувственное тело пытали немцы, а живую и крепкую душу большевика.

— Говори, рус!

И когда стало им ясно, что ни звука не пронесет этот истекающий кровью бесстрашный русский человек, они решили казнить его огнем:

— Эйн момент! Сволось! Будешь заговаривать, как мой голюпчик!

С криками и свистом, глумясь над героем, поволокли они Меньшакова к ближайшему сараю (колхозники сняли шапки, женщины закрыли руками лица), привязали его к двери и подожгли строение.

Он молчал.

Ночь была дождливая, дерево мокрое, сарай горел всю ночь.

ПАРТИЗАНЫ-ОДИНОЧКИ

В лесах северозапада встречаются и партизаны-одиночки, не примыкающие к отрядам. Их число уже настолько велико, что можно говорить о партизанах-одиночках, как о массовом явлении.

Об одном из них, тов. В., по прозвищу «Петрович», ходит немало толков в районе между Псковом и Карамышевым.

Рассказывают, что Петрович начал с казни изменника, оказавшего кое-какие услуги немцам. После этого оставаться ему дома стало опасно.

Он подстерег немецкий грузовик с продовольствием, шедший без охраны, убил шофера и увел машину в лес. Там пробыл он с неделю. Потом появился верстах в десяти, на стыке двух оживленных дорог, снял немецкого регулировщика и двух мотоциклистов. Не удовлетворившись этим, он остановил восемь машин, перебив шоферов.

С полмесяца о Петровиче не было ни слуху, ни духу. Думали, что он погиб.

Петрович объявился на этот раз под самым Псковом, пробыл некоторое время в партизанском отряде, а затем покинул его. И оданочкой пошел в сторону Карамышева.

Несмотря на немецкие облавы, он не менял района борьбы в течение всего августа и первой половины сентября. Только стал осторожнее. Перестал появляться днем в деревнях и селах, да и ночами заходил лишь к хорошо известным людям.

В деревнях Петрович не забирает продовольствия, у него правило: жить на всем немецком.

— Питаюсь трофеями, сражаюсь тоже трофеями, — говорит он — Родной кусок хлеба приму, как победим.

Вооружен Петрович немецким автоматом, немецкими гранатами. Для серьезных дел имеется у него в запасе и ручной пулемет.

— Арсенал у меня — за три дня не объедешь. Я на себе боеприпасы не таскаю. Их для меня немец носит.

Планами своими он ни с кем не делится. В деревнях интересуется только сведениями о расположении немцев, да иногда запасается пустыми бутылками.

Кузьмичу приписывают много метких слов и поговорок, мудрых предвидений.

В образе одинокого бойца соединяется правда с эпическим вымыслом. И все самое героическое приписывается ему.

Сейчас невозможно установить, что именно он совершил. Но Петрович — реальная личность. Можно описать его наружность по рассказам видевших его.

Но пусть он живет пока без примет.

Время его придет.

МЕСТЬ

Горько видеть, как разоряет немец русскую землю. Дым сожженных деревень разъедает сердце. Ненависть, яростная, молчаливая ненависть, закипает в каждом, кто видел пожары деревень и слышал ночью на лесных дорогах плач перепуганных детей, стоны женщин.

Скрипят колеса подвод. Народ уходит за своими. Дымя махоркой, вполголоса переговариваются мужчины.

Вспыхнет цыгарка, и видно, как суровы и сосредоточены лица. И только. Сейчас не время длинным разговорам. Великий счет ведет душа каждого. Счет мести. Настает час, когда эти люди извлекут из глубин памяти все обиды, все боли, всю злобу и начнут вершить страшный суд над сволочью, опоганившей нашу землю.

Но еще горше тем, кто остался на родном пепелище, кто не мог уйти вместе со своими. Если здоровье или возраст не позволяет человеку идти к партизанам, и он оказывается свидетелем того, как глумится немец над вольной русской жизнью, как плюет в самое дуноу нам гад, не знающий чести, тогда еще больней душе.

Председатель одного из колхозов в Волотовском районе, Ленинградской области, Василий Егорович Егоров оказался именно в таком положении. Был он болен и не успел скрыться. А утром немцы были уже в селе. К нему в дом они заглянули раньше всего, но, увидев, что перед ними больной, да еще, чего доброго, заразный, ушли и больше не возвращались.

Егоров встал с кровати и прильнул к окну. В немецкий штаб прошли двое выпущенных из тюрем уголовников и один какой-то раскулаченный мироед. И в тот же день были арестованы все не успевшие уйти активисты, комсомольцы, члены партии.

Егоров стал ждать своей очереди.

Он лежал один, и мыслям о русской судьбе ничто не мешало. Вся широкая русская жизнь, которую прожил он, как умел, до пятидесяти семи лет, встала перед его глазами в средю неповторимых картин, радостных и ярких.

В обычное время многое не удавалось вспомнить Егорову из той громадной, вдохновенной жизни, которую он сворачивал в пружину своими жилистыми руками.

Но вот пружина раскрутилась, и все пережитое предстало в ясном, четком виде. Как быстро, плотно и горячо жил советский человек! С какой веселой отвагой строил он свое молодое государство!

С волнением разглядывал и вспоминал Егоров большую и вдохновенную жизнь свою. Так в оди-

почестве пролежал он два дня. Утром на третий день сельсоветский сторож инвалид Прохоров рассказал ему, что уголовники и бывший кулак выдали немцам сельских активистов. Предатели, не стесняясь, бахвалились на селе, что выдача активистов — дело их рук, что теперь, мол, пришла ихняя власть.

Первая немецкая часть ушла, и в село ввалилась новая. Снова начался грабеж, опять стали насиловать женщин, охотиться за курами и опять потребовали выдать всех активистов. Егорова арестовали первым и, связав по рукам и ногам колючей проволокой, бросили в пожарный сарай.

Егоров знал, что он, как и все честные люди села, выдан несколькими подлецами, изменниками, которым все равно, как жить и чем жить, у которых нет любви к родившей их земле. И злость к этим мерзавцам вскипала в нем, временами заглушая боль. Простить им предательство он не мог.

Когда тело Егорова посинело, и язвы стали издавать трупный запах, офицер-фашист заглянул в сарай и обещал Егорову жизнь, если он выдаст всех активистов.

— Ты хочешь жить? — спросил офицер.

— Хочу, — вздохнув, ответил Егоров.

— Ты будешь жить. Я вызову сейчас врача. Тебя положат в больницу и быстро вылечат. Только назови имена.

Егоров поглядел в оловянные, нечеловечьи гла-

за офицера и согласился сразу, без раздумий и колебаний.

— Пишите, — сказал он.

И стал обстоятельно перечислять имена всех мерзавцев, которых он видел входящими к первому немецкому коменданту.

Он старался произносить имена и фамилии как можно тщательнее, чтобы немец, не дай бог, чего не напутал.

Этой же ночью все, кого он называл, были взяты. Их втокнули в сарай к Егорову. Глаза его уже видели плохо.

— Трифон? — спросил он.

— Я.

— Максим?

— Я.

И перебрал всех до единого. Все были тут — бывший кулак, уголовники.

Спустя час трое предателей были расстреляны вместе с героем. В селе недоумевали, за что гибнет Василий Егоров вместе с преступниками и мерзавцами, и даже посчитали его одним из них.

Но скоро код Егорова раскрылся, и слух о последнем подвиге его жизни прошел по лесам от Холма до Новгорода.

Закончится война, в колхозе Егорову поставят памятник. Надпись будет проста: «Герою-мстителю от благодарной Родины».

УСТАМИ ВРАГА

Борьба партизан вселяет ужас в черные души фашистских захватчиков. Немецко-фашистское зверье видит себя в окружении: на фронте оно испытывает все усиливающиеся удары Красной Армии, действия партизан подтачивают его тыл. Всенародная война грозит развалить немецкую военную машину.

Страх перед партизанами сквозит в письмах, найденных при убитых немецких солдатах. Он сказывается в показаниях военнопленных, сквозит в немецких штабных документах.

Приказ командующего 123-й германской пехотной дивизией генерал-майора Рауха угрожает партизанам расстрелами и виселицами. В приказе говорится:

«1. Если кто-нибудь из гражданского населения будет задержан с оружием или если кто из граждан будет стрелять где бы то ни было, они будут рассматриваться как партизаны и после опроса немедленно расстреляны.

2. Лица, покровительствующие партизанам, будут наказываться так же, как и партизаны.

3. Партизанские гнезда будут предаваться уничтожению.

4. Если необходимо прибегать к строжайшим мерам наказания, предлагаю вывешивать казненных партизан в продолжение некоторого времени на площадях для общего обозрения. Об этом объявить населению при помощи соответствующих табличек на виселицах. Таблички составлять на русском языке. Текст приблизительно следующий:

«Осужден потому, что носил оружие, будучи представителем гражданского населения».

Такие угрозы фашистских палачей бессильны в борьбе с партизанским движением. Убедившись в этом, немцы задумали прибегнуть к подкупу. Они оценили голову каждого партизана в три тысячи рублей, или триста марок. Фашистская такса за голову партизанского командира—пять тысяч рублей, или пятьсот марок.

Захватчики прибегают и к более утонченному подкупу.

Вот приказ, написанный полуграмотной рукой и опубликованный к всеобщему сведению в оккупированных районах северозапада:

«1. Кто партизанам и красноармейцам дает убежище, снабжает их съестными припасами или каким-либо другим образом помогает, будет наказан смертной казнью.

2. О появлении каждого партизана или красноармейца сейчас же следует доложить ближайшей германской военной части или местной комендатуре с точным указанием местопребывания таковых. Все оружие следует отдать германским властям.

Села и деревни, которые не сообщат о местопребывании партизан и красноармейцев и не сдадут оружия, должны считаться с тем, что они будут наказаны строгими мерами.

3. Во время ночной темноты никому нельзя выходить из своего жилища. Кто будет встречен вне своего жилища, наказывается(?) на расстрел.

4. Села и деревни или лица, которые помогают германской армии в борьбе против коварных партизан и красноармейцев, будут награждены особой добавкой хлеба, пользоваться особой защитой и другим благоприятствованием.

5. Заблудившиеся красноармейцы должны явиться в ближайшую германскую часть. Они оттуда будут переведены в лагерь для военнопленных без всякого наказания».

Но подачки, как и угрозы, не имеют власти над советским человеком. И командование 16 й немецкой армии, действующей на северозападном направлении, с беспокойством предписывает войскам в очередном приказе:

«Тыловые части и части охраны тыла должны проявлять большую бдительность, чем это требовалось в странах Прибалтики, как на марше, так и при расположении на месте. Надлежит оружие держать заряженным и проверенным, карабины и пистолеты иметь при себе. Охранение всех пунктов расположения частей должно быть постоянно обеспечено пулеметами.

Командиры подразделений должны следить, чтобы отдельные солдаты не отходили от своей части дальше, чем на расстояние связи с ними. Для выполнения поручений назначать не менее двух человек. Связным мотоциклистам на мотоциклах без коляски иметь при себе карабин или пистолет-автомат».

Тщетные предосторожности!

Партизанские пули продолжают косить ненавистных врагов. Об этом рассказывают на допросе военнопленные немцы.

Немецкий солдат Артур Гоппе, взятый в плен на одном из участков северозападного фронта, говорит:

— Большую помощь Красной Армии оказывает русское гражданское население в нашем тылу. Население пренебрегает опасностью расстрела, организуется в небольшие вооруженные группы, которые нападают на нас в таких местах, где меньше всего ожидаем.

Военнопленный унтер-офицер Рудольф Мессершмидт:

— Наше правительство создало специальные группы для борьбы против партизанского движения, но, тем не менее, среди солдат существует мнение, что это движение будет усиливаться тем больше, чем дальше мы идем.

Солдат Капель:

— На реке Великой два полка нашей дивизии были окружены партизанами, которые, уничтожая немецкие обозы с продовольствием, заставили их четыре дня сидеть без пищи. На борьбу с партизанами была брошена вся наша дивизия... До сих пор партизаны сильно тревожат германскую армию. Особенно сильные удары партизаны наносят по германским обозам с продовольствием и боеприпасами, что в очень значительной степени парализует снабжение армии.

Унтер-офицер Гейнц Гладшай:

— Наш полк потерял шестьдесят человек от партизан... Снабжение стало хуже. Стало меньше хлеба. Рассчитывали подкормиться в России, но ошиблись. На месте достать ничего нельзя. Доставка нет: обозы пострадали от партизан. Гер-

манская армия не знала раньше о партизанах, а в России о них узнала. Партизаны очень опасны, так как они стреляют со всех сторон.

На одном из участков северозападного фронта был захвачен в подоженной бронемашине дневник немецкого ефрейтора Макса Маровеца. Сам ефрейтор бежал, забыв впопыхах дневник, с которым не расставался с самого начала войны. В этом дневнике мы находим следующие записи:

«Партизаны окружили нас и хотели атаковать. Едва простояли полчаса, как на нас снова напали со всех сторон. Думал, что конец пришел. Выжимал из пушки все, что мог. Это была тяжелая работа. Шульце и Дитрих ранены.

...Партизаны сильно допекают. У СС несколько убитых и раненых».

Немецкие солдаты и офицеры слезно жалуются на партизан в своих письмах близким.

Солдат Вернер Кауфман пишет жене:

«Конечно, для наших войск опасно в этих огромных лесах... Русские всегда найдут место, где скрываться».

Унтер-офицер Альберт Шуберт жалуется невесте:

«Эта война является настоящей войной нервов, ибо здесь мы имеем дело с партизанами. Красные так натравили на нас народ, что он способен идти на все. Поэтому пистолет нельзя выпускать из рук ни на минуту».

Да, партизаны расшатывают нервы немецких солдат и офицеров!

Паническая партизанобоязнь передается и родственникам фашистских воjak в германском тылу.

Жена ефрейтора Герберта Гизау сетует в письме к мужу:

«Нехорошо, что партизаны так активны. При всей вашей бдительности они могут убить нас из-за угла».

Мать ефрейтора Гельмута Вирта наставляет сына:

«Не относись к этому походу легкомысленно, так как в России много стрелков из-за кустов. От них вы не застрахованы».

Сама жизнь отучает фашистских любителей легкой добычи от легкомысленного отношения к войне с Советским Союзом.

В устах влобного и трусливого врага мы слышим признание растущей мощи партизанского движения советского народа.

ДУБИНА НАРОДНОЙ ВОЙНЫ

В страхе перед размахом партизанского движения немецкие фашисты завопили о том, что мы воюем «не по правилам». Подлые и трусливые убийцы детей и женщин недовольны тем, что советский народ, великий и страшный в своем гневе, платит кровью за кровь и смертью за смерть. Им это не по душе. Что ж, тем хуже для гитлеровских бандитов.

Надо напомнить им слова Льва Толстого об Отечественной войне русского народа в 1812 году: «Дубина народной войны поднялась со всею своею грозною и величественною силой. И, не спрашивая ничьих вкусов и правил... не разбирая ничего, поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие».

Дубина народной войны пришла в действие и в наши дни.

Партизанское движение на северозападе ширится с каждой неделей войны. Все новые сотни и тысячи советских патриотов уходят в леса, вливаются в партизанские отряды.

С любовью и скорбью повторяют в народе имена партизан Александра Петрова, Валентины Петровой, Николая Меньшакова, героически от-

давших жизнь за родину. Их слава зовет к новым боям и подвигам.

Партизанские отряды действуют все более упорно и умело. На опыте своих операций оттачивают они самобытную тактику борьбы. В боевых делах выдвигаются талантливые организаторы и руководители партизанского движения.

Все больший ущерб причиняют партизаны войскам оккупантов. В тылу у немцев начинают складываться невыносимые для них условия. То тут, то там взлетают на воздух склады с боеприпасами. Красный петух появляется на крышах домов где располагаются на ночлег немецкие солдаты и офицеры. Из придорожных кустов летят в проезжающие автоколонны гранаты, бутылки с горючим.

Немцы нервничают: партизаны мерещатся им за каждым деревом, каждым кустом.

В темные осенние ночи в расположении немецких войск часто возникает беспорядочная стрельба. Это дают волю натянутым нервам немецкие часовые.

С трепетом всматриваются немецкие фашисты в непроходимые для них лесные чащи северо-запада, объятые грозным пожаром народной, партизанской войны.

Дубина народной войны будет подниматься, опускаться и гвоздить фашистских захватчиков до тех пор, пока не раздавит их.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Человек уходит в лес	3
За что они мстят	8
Партизанские ночи	19
Полк Валентина Кривенко	26
Отряд Парамонова	33
Пятьдесят два дня	37
Смерть Николая Меньшакова	44
Партизаны-одиночки	49
Мсть	51
Устами врага	55
Дубина народной войны	62